

ГЛАВА III. Почему люди с бредовой работой постоянно говорят, что они несчастны? (О духовном насилии. Часть 1)

“ Рабочие места – это фашизм. Это культ, придуманный для пожирания твоей жизни. Боссы ревностно охраняют твои минуты словно драконы, стерегущие золото.

Нури

В этой главе я приступлю к исследованию нравственных и психологических последствий того, что человек оказывается в ловушке бредовой работы.

Начнем с простого вопроса: а в чем, собственно, проблема? Точнее, почему бессмысленная работа так часто делает людей несчастными? На первый взгляд кажется, что так происходить не должно. В конце концов, мы говорим о людях, которым реально платят деньги, и часто довольно неплохие, за то, что они ничего не делают. Можно предположить, что те, кому платят за безделье, будут считать себя везунчиками, особенно если они более или менее предоставлены самим себе. Порой я действительно слышал свидетельства людей, которые говорили о том, что не могут поверить, что им повезло получить такую должность. Однако примечательно, что таких людей оказалось очень мало[71]. На самом деле многие были в недоумении из-за собственной реакции и не могли понять, почему они чувствуют себя такими никчемными и подавленными. То, что у их ощущения не было простого объяснения, какой-то истории, которую они могли бы рассказывать самим себе о том, что с ними случилось и что с ними не так, часто только усугубляло их отчаяние. Раб на галере, по крайней мере, понимает, что его угнетают. А офисный работник, который за

восемнадцать долларов в час вынужден семь с половиной часов в день делать вид, что печатает что-то на компьютере, или младший сотрудник в консалтинговой компании, которому приходится проводить один и тот же семинар по инновациям и креативности неделю за неделей за пятьдесят тысяч долларов в год, – они в замешательстве.

В своей книге про долг я писал о феномене нравственной путаницы. В качестве примера я использовал тот факт, что на протяжении всей истории человечества большинство людей верили одновременно в две вещи: что суть нравственности состоит в том, чтобы платить по долгам, и что ростовщичество – это зло. Хотя бредовая работа – явление сравнительно недавнее, мне кажется, что она порождает схожую ситуацию нравственного замешательства. С одной стороны, поощряется представление, согласно которому люди всегда будут стремиться к наибольшей выгоде, то есть стремиться к ситуации, в которой они могут получить максимальную выгоду при минимальных затратах времени и усилий. Как правило, мы так и думаем – особенно когда говорим о таких вещах на абстрактном уровне. («Мы не можем просто раздавать подачки беднякам! Тогда у них не будет никакой мотивации искать работу!») С другой стороны, и наш собственный опыт, и опыт самых близких нам людей обычно опровергает эту предпосылку сразу во многих отношениях. Люди практически никогда не действуют и не реагируют так, как предсказывают наши теории человеческой природы. Единственный разумный вывод состоит в том, что как минимум в некоторых ключевых аспектах эти теории ошибочны.

В этой главе я не просто поставлю вопрос о том, почему люди так несчастны, занимаясь тем, что кажется им бессмысленной и надуманной работой. Я хочу пойти дальше и выяснить, как это несчастье может помочь нам понять, что значит быть человеком.

О молодом человеке, который вроде бы получил синекуру, но всё же не смог справиться с положением

Я начну с одной истории. Это рассказ о молодом человеке по имени Эрик, первая работа которого оказалась абсолютно, до смешного бессмысленной.

“ Эрик: У меня много-много раз была ужасная работа, но моя первая «работа по специальности» после выпуска из университета была чистой, беспримесной формой бредовой работы. Это было около десяти лет назад. Я был первым в семье, кто пошел учиться в университет, и, поскольку у меня были глубоко наивные представления о смысле высшего образования, я почему-то ожидал, что оно откроет передо мной какие-то доселе невиданные возможности.

Вместо этого мне предложили программы подготовки для выпускников в компаниях Pricewaterhouse Coopers, KPMG и так далее. Я предпочел сидеть на пособии по безработице следующие шесть месяцев, используя свой читательский билет выпускника для того, чтобы читать французские и русские романы. Затем биржа труда вынудила меня посетить собеседование, которое, к сожалению, закончилось тем, что меня взяли на работу.

Меня приняли в крупную дизайнерскую фирму на должность «администратора интерфейса». Интерфейсом называлась система контент-менеджмента – по сути, локальная сеть с графическим пользовательским интерфейсом. Ее разработали для того, чтобы работу компании можно было распределить между семью офисами в Великобритании.

Вскоре Эрик обнаружил, что его взяли на работу исключительно из-за того, что в организации были проблемы с коммуникацией. Иными словами, он был костыльщиком: вся компьютерная система была нужна только потому, что партнеры внутри компании оказались неспособны взять трубку и договориться друг с другом:

“ Эрик: Фирма функционировала на основе партнерских отношений, каждый офис управлялся одним из партнеров. Все они, кажется, были выпускниками трех частных школ и одной и той же школы дизайна (Королевского колледжа искусств). Среди этих сорокалетних школьников царил невероятный дух конкуренции, так что каждый часто пытался опередить остальных и первым получить контракт. Не раз случалось так, что представители двух разных офисов приезжали к одному и тому же клиенту для того, чтобы предложить свои услуги. Им приходилось наспех комбинировать свои предложения на парковке какого-нибудь унылого бизнес-центра. Интерфейс был разработан для того, чтобы добиться полной согласованности между всеми офисами и гарантировать, что такие (и многочисленные другие) косяки больше никогда не произойдут. Моя работа заключалась в том, чтобы развивать эту систему, управлять ею и убеждать сотрудников ее использовать.

Проблема заключалась в том, что, как вскоре выяснилось, на самом деле Эрик не был даже костыльщиком. Он был галочником: один из партнеров настоял на этом проекте, и, чтобы не спорить с ним, остальные сделали вид, что согласны. Затем они употребили все усилия, чтобы система не работала.

“ Эрик: Я должен был с самого начала понять, что это была идея одного из партнеров, которую на самом деле никто не хотел внедрять. По какой еще причине они взяли бы на эту должность двадцатидвухлетнего выпускника исторического факультета без всякого опыта в IT? Они купили самый дешевый софт, какой только могли найти, у каких-то абсолютных жуликов. Там было полно багов, система постоянно сбоила и выглядела как заставка

Windows 3.1. У всего офиса была паранойя, что система следит за производительностью, записывает, что ты печатаешь на клавиатуре, и оповещает начальство, что ты скачиваешь порнуху с торрентов, пользуясь корпоративным интернетом. Так что никто не хотел иметь с этой системой дела. Поскольку у меня не было вообще никакого опыта в программировании и разработке софта, я мало что мог сделать, чтобы исправить эту систему. По сути, моя задача заключалась в том, чтобы управлять этим неработающим и никому не нужным куском дерьма и навязывать его другим. Спустя несколько месяцев я понял, что большую часть времени у меня вообще почти нет работы, за исключением ответов на немногочисленные вопросы от озадаченных дизайнеров, которые не понимают, как загрузить файл в систему, или поиска чьего-нибудь электронного адреса в контактах.

Полная бессмысленность его положения вскоре привела к осторожным (а затем всё менее осторожным) актам неповиновения:

“ Эрик: Я начал приезжать позже и уезжать раньше. В компании было правило «одна пинта пива в пятницу в обед», я его расширил до «пинта в обед каждый день». Я читал романы за своим рабочим столом. Я выходил на обеденные прогулки, которые длились по три часа. Я всерьез подтянул свой французский, сидя с ногами на кресле и читая газету Le Monde со словарем «Petit Robert». Я пытался бросить работу, но мой босс предложил повысить зарплату на две тысячи шестьсот фунтов, на что я после долгих колебаний согласился. Я был нужен им именно потому, что не умел делать то, чего они не хотели делать, и они были готовы платить, чтобы я остался. (Здесь можно перефразировать Марксовы «Экономическо-философские рукописи 1844 года»: чтобы избавиться себя от кошмара отчуждения от собственного труда, им пришлось принести меня в жертву еще большему отчуждению – отчуждению от возможности личностного развития).

С течением времени Эрик становился всё более дерзким в своем непослушании. Он надеялся, что ему удастся сделать что-то такое, за что его уволят. Он стал появляться на работе пьяным и брать оплачиваемые «командировки» на несуществующие встречи:

“ Эрик: Один коллега из офиса в Эдинбурге, которому я пожаловался на свои проблемы, когда напился на ежегодном общем собрании, стал организовывать встречи со мной по надуманным поводам; однажды мы встретились на поле для гольфа возле «Глениглза»[72], я там топал по газону в одолженных туфлях для гольфа на два размера больше моего. Когда и это сошло нам с рук, я начал устраивать липовые встречи с людьми из офиса в Лондоне. Фирма нанимала мне прокуренную комнату в отеле «Сент-Атанс» в Блумсбери, и я встречался со старыми друзьями из Лондона для старой доброй пьянки целый день в пабах в районе Сохо, и часто она продолжалась всю ночь в Шордиче. Не раз я возвращался в офис только в

следующий понедельник в рабочей рубашке с прошлой среды. Я давно уже перестал бриться, и к тому времени мои волосы выглядели так, будто их украли у фаната Led Zeppelin. Я еще два раза пытался бросить работу, но босс каждый раз предлагал мне больше денег. В итоге всё пришло к тому, что мне платили сумасшедшую сумму за работу, которая, в лучшем случае, предполагала два телефонных разговора в день. Однажды летним вечером у меня случился срыв на платформе вокзала в Бристол. Я всегда мечтал съездить в Бристоль, поэтому я решил «нанести визит» в местный офис, чтобы взглянуть на «вовлечение пользователей». На самом деле я три дня глотал экстази на домашней вечеринке анархо-синдикалистов в районе Сент-Полс. После прихода сознание прояснилось, и я осознал, как же невыносимо печально жить в состоянии полной бесцельности.

Благодаря героическим усилиям Эрику удалось добиться, чтобы его заменили.

“ Эрик: В конце концов под давлением боссу пришлось нанять новичка, недавнего выпускника факультета информатики... Ему поручили проверить, можно ли улучшить графический пользовательский интерфейс нашей системы. В первый же день работы этого паренька я составил для него список всего, что надо сделать, и тут же написал заявление об увольнении, которое засунул под дверь боссу, когда тот уехал в свой следующий отпуск. В телефонном разговоре я отказался от последней зарплаты, которую не мог получить, потому что не сообщил о своем уходе с работы в срок, предусмотренный для уведомления об увольнении. На той же неделе я улетел в Марокко и провел какое-то время в прибрежном городке Эс-Сувейра, почти ничем не занимаясь. Когда я вернулся, то следующие шесть месяцев жил в сквоте и выращивал овощи на гектаре земли. Я прочел вашу статью в журнале Strike! когда она только вышла. Для кого-то мог стать откровением тот факт, что капитализм создает ненужную работу просто для того, чтобы колеса продолжали вращаться, – но точно не для меня.

В этой истории особенно интересно, что многие сказали бы, что у Эрика была работа мечты. Ему платили хорошие деньги за то, что он ничего не делал. За ним почти не присматривали. Он пользовался уважением и мог обманывать систему, сколько хотел. Тем не менее работа постепенно разрушала его.

Почему?

Думаю, на самом деле это в значительной мере история о социальном классе. Эрик был молодым выходцем из рабочего класса (ведь его родители работали на заводе), он только закончил колледж и был полон ожиданий, но неожиданно ему пришлось резко войти в «реальный мир». А реальность в данном случае заключалась в том, что менеджеры среднего возраста явно исходили из того, что любой двадцатилетний белый мужчина должен быть немного компьютерным гением (даже если, как в случае Эрика, он вообще никогда не обучался работе на компьютере), и были не против предоставить человеку вроде

Эрика непыльную работенку, если это в данный момент было им выгодно. Тем не менее, они воспринимали его как какое-то посмешище. Собственно, его работа фактически и была посмешищем. Его присутствие в компании очень походило на те злые розыгрыши, которые дизайнеры иногда устраивают друг другу.

Сильнее всего Эрика сводило с ума то, что вообще не было способа найти в его работе хоть какой-нибудь смысл. Он даже не мог сказать себе, что делает это, чтобы кормить семью, – у него пока ее не было. Он происходил из среды, в которой люди гордятся тем, что умеют создавать, сохранять и чинить вещи, или, во всяком случае, считают, что именно такими достижениями следует гордиться. Он предполагал, что поступление в университет и развитие в профессии предполагают то же самое, но даже в бóльших масштабах и в более осмысленном ключе. Вместо этого он получил работу ровно потому, что не умел ее выполнять. Он пытался уволиться по собственному желанию – они предлагали ему всё больше денег. Он старался сделать так, чтобы его уволили, – они его не увольняли. Он пытался выставить это напоказ, своим поведением как бы пародируя их представления о нем, – но это ничего не изменило.

Для того чтобы понять, что же здесь на самом деле произошло, давайте представим еще одного выпускника-историка. Можем называть его анти-Эрик: это молодой человек из семьи квалифицированных специалистов, но он попал в такую же ситуацию. Как повел бы себя анти-Эрик? Вполне вероятно, он бы подыгрывал этому спектаклю. Вместо того чтобы разными способами разрушать себя с помощью липовых бизнес-встреч, анти-Эрик использовал бы их для наращивания социального капитала и связей, которые позволили бы ему впоследствии заняться чем-нибудь получше. Он бы воспринимал эту работу как трамплин, и сам по себе проект продвижения по службе придал бы ему ощущение «цели». Но такие установки и склонности не возникают от природы. В семьях квалифицированных специалистов детей учат мыслить таким образом с ранних лет. Эрик, которого не учили так думать и действовать, не мог прийти к этому сам. В результате он оказался – по крайней мере, на какое-то время – в сквоте, где выращивал томаты[73].

О чувстве фальши и бесцельности, лежащем в основе бредовой работы, и о том, насколько важным сейчас считается передать молодежи чувство фальши и бесцельности

В более глубоком смысле история Эрика объединяет практически всё, что причиняет страдания людям на бредовой работе. Это не просто чувство бесцельности (хотя и оно, конечно, тоже), но это еще и ощущение фальши. Я уже упоминал, что операторы на

телефонных продажах испытывают гнев, когда им приходится обманывать или давить на людей, чтобы заставить их сделать то, что противоречит их интересам. Это сложное чувство, у нас даже нет для него названия. Ведь когда мы думаем о мошенниках, у нас возникает образ махинатора, виртуоза игры на доверии. На них легко взглянуть как на фигуры романтические, как на бунтарей, которые живут за счет своей смекалки, достойных восхищения и за то, что они достигли некоторого мастерства. Именно поэтому они смогли стать героями голливудских фильмов. Аферист вполне может получать удовольствие от того, чем занимается. Но когда тебя вынуждают заниматься мошенничеством – это совсем другое. В таких условиях неизбежно ощущаешь, что ты, в конечном счете, находишься в таком же положении, что и человек, которого ты пытаешься обмануть. Вами обоими управляет и манипулирует ваш работодатель, только в вашем случае дополнительное унижение состоит в том, что вы злоупотребляете доверием тех, на чьей стороне вы должны быть.

Можно было бы предположить, что бредовая работа будет вызывать совсем иные чувства. В конце концов, если работник кого-то и обманывает, то он делает это от лица работодателя и с его полного согласия. Но почему-то именно это многих сильно беспокоит. У вас даже нет ощущения, что вы кого-то надуете, – вы даже не можете прожить это как собственную ложь. На самом деле вы даже чужую ложь не можете прожить. Ваша работа – как незастегнутая ширинка вашего босса: все ее видят, но никто не говорит о ней вслух.

Пожалуй, это только усиливает ощущение бессмысленности.

Возможно, анти-Эрик действительно придумал бы, как вывернуть эту бессмысленность наизнанку и сказать себе, что он заодно с теми, кто проворачивает эти трюки. Возможно, если бы он был по-настоящему пробивным парнем, то использовал бы свои административные способности для того, чтобы в конце концов стать главным в офисе. Но даже детям богатых и могущественных это обычно удается с трудом. Следующая история показывает, какую нравственную путаницу они зачастую переживают.

“ Руфус: Я получил работу, потому что мой отец был вице-президентом компании. Я должен был рассматривать жалобы. В связи с тем, что формально это была биомедицинская компания, все возвращенные товары считались биологически опасными. Поэтому я проводил много времени в комнате в одиночестве, без всякого внешнего контроля и без какой-либо работы. Почти всё, что я помню о своей работе, – это игра в «сапера» и прослушивание подкастов.

Я целыми часами изучал таблицы, отслеживал изменения в вордовских документах и так далее, но я уверяю вас, что я ничего не привнес в эту компанию. В офисе я всё время сидел в наушниках. Я уделял минимальное внимание людям вокруг себя и той «работе», которую должен был выполнять.

Я ненавижу каждую минуту своей работы на этом месте. На деле обычно я приходил домой пораньше, уходил на два-три часа на обед, проводил часы «в уборной» (то есть просто бродил где-нибудь), и никто не сказал ни слова. Мне платили за каждую минуту моего пребывания там.

Сейчас я об этом вспоминаю и думаю, что это было что-то вроде работы мечты.

Оглядываясь назад, Руфус понимает, что это была невероятно удачная сделка, – на самом деле он весьма озадачен тем, что так ненавижу эту работу. Но, конечно, он не мог совсем не осознавать, как его воспринимали коллеги: сынок босса, которому платят за безделье; думает, что он выше того, чтобы с ними заговорить; начальство наверняка предупреждало, что надо «оставить его в покое». Это вряд ли вызывало теплые чувства.

Тем не менее эта история вызывает другой вопрос: если отец Руфуса не рассчитывал, что его сын будет занят работой, почему он вообще настаивал на том, чтобы он ее получил? Вероятно, он мог попросту содержать своего сына или вместо этого предложить ему работу, которую нужно было бы делать, учить его выполнять задания, а также он мог хотя бы минимально пытаться отслеживать их выполнение. Вместо этого он, кажется, считал, что для Руфуса важнее, чтобы он мог сказать, что у него есть работа, чем чтобы он получал настоящий опыт работы[74].

Это удивительно. Тем более удивительно, что настрой его отца кажется довольно распространенным. Так было не всегда: было время, когда большинство студентов, чьи родители могли это себе позволить или кто был достаточно хорош, чтобы выиграть учебный грант или стипендию, получали содержание. Считалось правильным, что в жизни молодой женщины или молодого мужчины будет несколько лет, когда деньги не будут для них основной мотивацией. В это время он или она могут познавать другие ценные вещи – например, философию, поэзию, спорт, сексуальные эксперименты, измененные состояния сознания, политику или историю западного искусства. Сейчас считается важным, чтобы они работали. При этом будет ли их работа чем-то полезным – не так важно. На самом деле от них, как и от Руфуса, в принципе не ожидается, что они вообще будут работать, – главное появляться на работе и притворяться. Многие студенты написали мне только для того, чтобы пожаловаться на это явление. Ниже Патрик размышляет о своей работе продавца-консультанта в магазине, расположенном в студенческом центре.

“ Патрик: На самом деле мне не нужна была работа (мне хватало денег и без нее), но после некоторого давления со стороны моей семьи я устроился на нее. У меня было какое-то извращенное чувство долга, которое говорило, что я обязан получить рабочий опыт и подготовиться к тому, что будет после университета. В действительности работа отнимала у меня время и энергию от других занятий – политики и активизма, а также от чтения для удовольствия. Из-за этого я ненавижу ее еще сильнее.

Эта работа была стандартной для магазина в студенческом центре. Я должен был обслуживать клиентов на кассе (хотя с этим легко могла справиться и машина). По итогам испытательного срока моей работе дали оценку, и мне прямо указали, что я «должен быть более позитивным и радостным, когда обслуживаю клиентов». Так что от меня не просто требовали выполнять работу, которую с таким же успехом могла делать машина, – они также хотели, чтобы я делал вид, что это доставляет мне удовольствие.

Когда моя смена приходилась на время обеда, то было еще сносно: было много работы, поэтому время проходило быстрее. Работать днем в воскресенье, когда в магазин никто не заходит, было просто ужасно. У них было требование, что мы не должны бездельничать, даже если магазин пуст. Так что мы не могли просто сидеть за кассой и читать журналы. Вместо этого менеджер придумывал абсолютно бессмысленную работу для нас – например, пройти по всему магазину и проверить срок годности продуктов (хотя мы знали, что сроки годности в порядке, потому что новую партию товара всегда завозили вовремя) или еще аккуратнее расставить продукты на полках.

Самое-самое худшее в моей работе – она давала много времени на размышления, потому что не требовала никаких интеллектуальных способностей. Поэтому я просто думал о том, насколько моя работа бредовая, что ее могла бы выполнять машина, с каким нетерпением я жду наступления коммунизма, а также бесконечно представлял теоретические альтернативы системе, в которой миллионы людей вынуждены выполнять такую работу на протяжении всей своей жизни, чтобы выжить. Я не переставая думал о том, насколько я несчастен из-за этой работы.

Так и происходит, когда вы сначала открываете молодому уму целый мир социальных и политических возможностей, отправляя его в колледж, а затем говорите, что надо перестать думать и прибраться на уже убранных полках. Сейчас родители считают важным, чтобы у молодых людей был такой опыт. Но что конкретно Патрик должен был извлечь из этой работы?

Вот другой пример:

“ Брендан: Я учусь на учителя истории старших классов в небольшом колледже в Массачусетсе. Недавно я устроился работать в столовую.

Коллега сообщил мне в первый день: «Половина этой работы – делать так, чтобы всё выглядело чистым, а другая половина – выглядеть занятым».

Первые несколько месяцев меня заставляли «следить» за подсобкой. Я протирал заслонку на витрине, выкладывал десерты и убирал столы, когда

люди уходили. Помещение было небольшим, так что я успевал сделать всю работу за пять минут из положенных тридцати. Я успевал много читать по учебе.

Однако иногда на смену выходил кто-то из менее лояльных управляющих. В этом случае мне нужно было краем глаза постоянно следить за ситуацией, чтобы удостовериться, что они всегда видят меня занятым. Я понятия не имею, почему в описании должности нельзя было просто указать, что работы немного: если бы мне не приходилось тратить столько времени и сил на то, чтобы выглядеть занятым, я бы мог справляться и со своим чтением, и с уборкой столов намного быстрее и эффективнее.

Но дело, конечно, не в эффективности. На самом деле, если бы нужно было научить студентов необходимым рабочим навыкам, лучшим решением было бы позволить им заниматься своим образованием. В конце концов, учеба – это во всех смыслах настоящая работа, кроме того, что тебе за нее не платят (хотя если ты получаешь стипендию или пособие, то тебе на самом деле платят). В действительности если бы Патрика и Брендана не заставили пойти на «реальную» работу, то их учеба или почти любая другая деятельность, которой они стали бы заниматься, была бы куда более реальной, чем по большей части надуманные рабочие задания, которые им приходилось выполнять. В обучении есть реальное содержание. Нужно посещать занятия, читать тексты, выполнять упражнения или писать эссе и получать за них оценку. Но на практике, похоже, именно эти особенности заставляют учебу выглядеть неадекватной в глазах тех, у кого власть (родителей, учителей, правительства и администраторов), потому что все они решили, что они должны также рассказать студентам о реальном мире. С их точки зрения, образование слишком ориентировано на результат: если ты успешно сдаешь тесты, то можно учиться как тебе угодно. Успешный студент должен научиться самодисциплине, но это не то же самое, что умение исполнять приказы. Разумеется, то же самое относится и к большинству других проектов и занятий, в которых студенты участвуют: репетиция театральных постановок, игра в рок-группе, политический активизм, приготовление печенья или выращивание травы для продажи другим студентам. Всё это может быть надлежащей профессиональной подготовкой для общества самозанятых взрослых или даже для общества, которое в основном состоит из независимых профессионалов (врачей, юристов, архитекторов и так далее). Университет когда-то предназначался для подготовки именно таких людей. Это подошло бы даже для подготовки молодых людей к участию в демократически организованных коллективах, которые имел в виду Патрик, когда мечтал о коммунизме. Но, как отмечает Брендан, это совсем не подготовка к работе на современных рабочих местах, которые становятся всё более бредовыми:

“ Брендан: большая часть работы для студентов представляет собой какие-то бредовые задания вроде проверки удостоверений личности, контроля пустых комнат или уборки и без того чистых столиков. Всех это устраивает, потому что мы получаем деньги, пока учимся, но ничего не мешает просто выдавать студентам деньги и автоматизировать эту работу или полностью

отказаться от нее.

Я не очень хорошо знаю, как всё это устроено, но значительная часть работы спонсируется федеральными властями и привязана к займам на образование. Это часть большой общенациональной системы, которая нужна, чтобы нагрузить студентов кучей долгов (они должны в дальнейшем заставить нас работать, ведь образовательные кредиты очень трудно погасить), а также бредовой образовательной программы, которая призвана обучать и готовить нас к такой же работе в будущем.

Брендан в чем-то прав, и я вернусь к его соображениям в одной из следующих глав. Здесь я бы хотел остановиться на том, чему на самом деле учатся студенты, которых заставляют заниматься надуманной работой. Есть уроки, которые они не могут извлечь из обычных студенческих занятий и инициатив, таких как подготовка к тестам, организация вечеринок и так далее. Даже судя по историям Брендана и Патрика (и я с легкостью могу вспомнить другие) мы можем заключить, что эта работа учит студентов по крайней мере пяти вещам:

- 1) работать под непосредственным наблюдением других людей;
- 2) имитировать работу, даже когда ничего делать не нужно;
- 3) никому не платят деньги за то, чем ему нравится заниматься, даже если это полезно и важно;
- 4) деньги платят за то, что не приносит пользы, не имеет никакого значения и не приносит никому удовольствия;
- 5) и даже если тебе платят за выполнение заданий, которые не приносят тебе никакого удовольствия, то нужно делать вид, что получаешь удовольствие, по крайней мере если твоя работа предполагает взаимодействие с людьми.

Это и имеет в виду Брендан, когда говорит, что выдуманная работа для студентов – это способ их «подготовки и обучения» для будущей бредовой работы. Он учился на школьного учителя истории. Конечно, это осмысленная работа, но все преподаватели в Соединенных Штатах теперь тратят гораздо меньше времени на преподавание и подготовку к урокам, потому что резко возросло количество часов, занятых административной работой. На это и обращает внимание Брендан: неслучайно чем сильнее работа, требующая высшего образования, заполняется бредом, тем больше давления оказывается на студентов колледжей: их заставляют узнавать, как устроена настоящая жизнь, посвящая меньше времени самоорганизации и целенаправленной деятельности, а больше времени – заданиям, которые подготовят их к самым безумным сторонам их будущей карьеры.

Почему многие наши базовые предположения относительно

человеческой мотивации оказываются неверны

“ Я не думаю, что есть что-то, более захватывающее человеческое сердце, чем те чувства, которые испытывает изобретатель, когда видит, как создание его мозга постепенно развивается и добивается успеха... такие эмоции заставляют человека забыть о еде, сне, друзьях, любви, обо всем на свете.

Никола Тесла

Если озвученный в предыдущем разделе тезис верен, мы можем заключить, что проблема Эрика заключалась только в том, что он оказался недостаточно подготовлен к бессмысленности современного рабочего места. Он прошел через старую образовательную систему (некоторые ее остатки всё еще живы), которая ориентировалась на подготовку студентов к тому, чтобы делать реальные дела. Это привело к тому, что у него сложились неверные ожидания, и он сразу испытал шок разочарования, с которым не смог впоследствии справиться.

Может быть, это и так, но я не думаю, что этим история исчерпывается. Всё же причина глубже. Может быть, Эрик в самом деле был чрезвычайно мало готов к тому, чтобы вытерпеть бессмысленность своей первой работы. И всё же почти все считают, что эту бессмысленность нужно именно терпеть, – несмотря на то, что нас всех так или иначе учили, что люди должны быть счастливы в положении, когда им платят хорошие деньги за то, что они не работают.

Давайте вернемся к исходному вопросу и начнем с того, почему мы предполагаем, что если человеку платят за безделье, то он должен считать, что ему повезло. На чем основана та теория человеческой природы, из которой это следует? Первый кандидат – экономическая теория; именно она превратила такой образ мышления в науку. В классической экономической теории предполагается, что основной мотивацией для homo oeconomicus, или человека экономического (то есть модели человека, на которой основываются все прогнозы этой дисциплины), является расчет выгод и издержек. Все математические уравнения, которыми экономисты впечатляют своих клиентов и публику, основаны на одном простом предположении: любой человек, если предоставить его самому себе, будет действовать так, чтобы обеспечить себе максимальный объем того, что он хочет, при минимальных затратах ресурсов и усилий. Именно простота этой формулы делает уравнения возможными: если бы мы признали, что у людей может быть сложная мотивация, то нам пришлось бы учитывать слишком много факторов, было бы невозможно определить вес каждого из них и сделать прогнозы. Поэтому экономист скажет: всем прекрасно известно, что люди на самом деле не являются эгоистичными и расчетливыми машинами, однако если мы предположим, что они таковы, то сможем объяснить очень многие их действия, и именно эта часть действий (только она) составляет предмет экономической

науки.

Если учесть такую оговорку, то это разумное утверждение. Проблема только в том, что во многих областях человеческой жизни эта предпосылка очевидно неверна, причем некоторые из них как раз относятся к тому, что мы привыкли называть сферой экономики. Если бы принцип «минимакс» (минимизируй издержки, максимизируй выгоду) соответствовал реальности, то такие люди, как Эрик, наслаждались бы своей жизнью. Он получал кучу денег при практически нулевых затратах ресурсов и сил: по сути, ему нужно было только оплатить проезд да еще потратить сколько-то калорий, чтобы ходить по офису и отвечать на редкие телефонные звонки. Тем не менее все остальные факторы (социальный класс, ожидания, личностные особенности и так далее) не определяют, будет ли человек чувствовать себя в таком положении несчастным, – оказывается, что практически любой будет чувствовать себя несчастным. Эти факторы влияют только на то, насколько несчастен он будет.

Когда в нашем обществе обсуждается работа, то обычно исходят из того, что модель экономистов верна. Людей нужно принуждать к работе; если и предоставлять бедным льготы, которые позволят им не умереть с голоду, то делать это нужно самыми унижительными и обременительными из всех возможных способов, потому что иначе они станут зависимыми и у них не будет стимула искать нормальную работу[75]. За этим стоит предположение, что если дать людям возможность быть паразитами, то они, конечно, ей воспользуются.

На самом деле почти все имеющиеся данные указывают, что это не так. Людей обычно раздражает работа, которую они считают лишней или позорной; мало кто склонен работать с той скоростью и интенсивностью, которую начиная с 1920-х годов определили «научные менеджеры»; люди также испытывают особое отвращение к унижениям. Но если предоставить их самим себе, то перспектива отсутствия какой-либо полезной деятельности почти всегда будет раздражать их еще сильнее.

Это подтверждают многочисленные эмпирические данные. Выберем несколько особенно красочных примеров. Когда люди из рабочего класса выигрывают в лотерею и становятся мультимиллионерами, они редко бросают свою работу (а те, кто бросил, вскоре признались, что пожалели об этом)[76]. Даже в тюрьмах, где заключенным предоставляют бесплатную пищу и кров и не заставляют работать, запрет на глажку рубашек в тюремной прачечной, уборку туалетов в тюремном тренажерном зале или упаковку компьютеров для Microsoft в тюремной мастерской используется в качестве меры наказания. Так происходит, даже если за эту работу не платят и у заключенных есть иные способы заработка[77]. Здесь мы имеем дело с теми, кого можно считать наименее альтруистичными членами общества, и всё же они считают, что смотреть целыми днями телевизор гораздо хуже, чем заниматься самым тяжелым и неблагодарным трудом.

Как заметил Достоевский, искупление, которое несет в себе тюремная работа, заключается в том, что она хотя бы выглядит полезной, – даже если она не приносит пользы самому заключенному.

Действительно, один из немногих положительных побочных эффектов тюремной системы состоит в том, что она предоставляет нам информацию о том, что происходит и как люди ведут себя в ситуации чрезвычайных лишений. Таким образом мы можем получить базовые знания о том, что значит быть человеком. Возьмем другой пример: сейчас мы знаем, что пребывание в одиночной камере на протяжении более шести месяцев подряд приводит к физически наблюдаемым необратимым повреждениям мозга заключенного. Люди – это не просто социальные животные: им настолько присуща социальность, что, если лишить их общения с другими людьми, они начинают физически деградировать.

Я полагаю, что сходным образом мы можем рассматривать эксперимент с работой. Не так важно, созданы ли люди для регулярной дисциплинированной работы с девяти до пяти (по моему, существует достаточно свидетельств того, что они к этому не приспособлены), но даже закоренелые преступники обычно считают, что сидеть без дела еще хуже.

Почему дело обстоит именно так? Насколько глубоко укоренены подобные склонности в человеческой психологии? У нас есть основание полагать, что очень глубоко.

* * *

Еще в 1901 году немецкий психолог Карл Гроос обнаружил, что младенцы испытывают невероятный восторг, когда впервые обнаруживают, что их действия могут приводить к предсказуемым последствиям в окружающем их мире, вне зависимости от того, что это за последствия и можно ли в них усмотреть какую-либо выгоду для самих младенцев. Например, они обнаруживают, что могут передвигать карандаш случайным движением рук. Затем они понимают, что могут добиться того же результата, если повторят то же самое движение. За этим следует выражение чистого восторга. Гроос ввел в оборот фразу «удовольствие быть причиной» и предположил, что оно лежит в основе игры, которую он считал упражнением в способностях ради самого упражнения.

Это открытие имеет очень важное значение для понимания человеческой мотивации в более широком смысле. До Грооса большинство западных политических философов (а вслед за ними – экономистов и социальных исследователей) склонялись к тому, что люди стремятся к власти просто в силу присущего им желания завоевывать и доминировать или в связи с чисто прагматическим стремлением обеспечить доступ к источникам материальных благ, к безопасности или к успешному самовоспроизводству. Выводы Грооса (а они впоследствии сотню лет подтверждались экспериментальными данными) наводят на мысль, что за тем, что Ницше называл «волей к власти», возможно, скрывается нечто более простое. Дети понимают, что они существуют и представляют собой отдельные сущности, отличные от мира вокруг, благодаря осознанию, что это именно «они» стали причиной того, что что-то произошло; доказательством этого служит тот факт, что они могут сделать так, чтобы это произошло снова[78]. Очень важно, что это осознание с самого начала связано с ощущением восторга, которое остается фундаментальной основой всего последующего человеческого опыта[79]. Наверное, трудно представить, что наше самоощущение коренится в действиях, потому что когда мы действительно поглощены какой-то деятельностью (особенно если она удается нам очень хорошо, будь то участие в марафоне или решение сложной логической задачи), то мы забываем, что существуем. Но даже когда мы растворяемся в том, что

делаем, удовольствие быть причиной остается, как и прежде, скрытым основанием нашего бытия.

Самого Грооса в первую очередь интересовало, почему люди играют в игры, почему они так увлекаются игрой и волнуются из-за ее результата, даже когда знают, что за пределами игры совершенно неважно, кто победит, а кто проиграет. Он считал создание воображаемых миров просто развитием своего базового принципа. Возможно, так оно и есть. К сожалению, в данном случае нам не так интересен процесс здорового развития; важнее, что происходит, когда что-то идет совсем не так. На самом деле эксперименты также показали, что если сначала позволить ребенку открыть для себя и испытать восторг от возможности воздействовать на окружающую среду, а затем запретить это делать, получатся впечатляющие результаты. Сначала возникает ярость, затем отказ от взаимодействия, потом нечто вроде кататонического ступора и полная изоляция от окружающего мира. Психиатр и психоаналитик Франсис Бручек назвал это «травмой неудачного влияния» и предположил, что подобный травматический опыт может лежать в основе многих психических проблем в дальнейшем[80].

Если всё так, то становится ясно, почему пребывание на работе, на которой к тебе относятся так, будто ты занимаешься чем-то полезным, и на которой тебе нужно подыгрывать и тоже притворяться, что она полезна, при этом остро ощущая ее бесполезность, приводит к таким разрушительным последствиям. Это удар не просто по чувству собственной значимости, а по самим основам чувства собственного «я». Человек, который не способен оказывать осмысленное воздействие на мир, перестает существовать.

Краткий экскурс в историю выдуманной работы вообще и в историю идеи покупки времени других людей в частности

“ Босс: Почему ты не работаешь?

Работник: Мне нечего делать.

Босс: Ну, тебе нужно притвориться, что ты работаешь.

Работник: Слушай, у меня есть идея получше. Почему бы тебе не притвориться, что я работаю? Тебе же платят больше.

Из комедийного шоу Билла Хикса

Теория Грооса об удовольствии быть причиной привела его к разработке теории игры как выдумки. Он предположил, что люди изобретают игры и развлечения по той же самой причине, по которой младенцы испытывают восторг от своей способности передвигать карандаш. Мы стремимся упражнять свои способности ради них самих. Нас не отвлекает тот факт, что мы делаем это в выдуманной ситуации; в действительности это только добавляет изобретательности. Гроос, опираясь на идеи немецкого философа эпохи романтизма Фридриха Шиллера, предполагает, что именно в этом и заключается свобода (Шиллер утверждал, что желание создавать произведения искусства – это просто выражение желания игры как осуществления свободы ради нее самой[81]). Свобода – это наша способность выдумывать вещи просто ради нее самой.

В то же самое время именно этот выдуманный аспект работы приводил работающих студентов вроде Патрика и Брендана в бешенство. На самом деле именно это каждый, кто когда-либо работал по найму и находился под строгим надзором, наверняка считает самым невыносимым аспектом своей работы. Работа служит какой-то цели или, по крайней мере, должна ей служить. Когда тебя заставляют притворяться, что ты работаешь, просто ради самой работы – это унижение, потому что это требование вполне закономерно воспринимается как использование власти ради самой власти. Если выдуманная игра – это чистейшее выражение человеческой свободы, то выдуманная работа, которую тебя заставляют делать другие, – чистейшее выражение отсутствия свободы. В таком случае неудивительно, что исторически представление о том, что определенные группы людей должны всё время работать, даже если делать нечего, и что работу следует выдумывать, чтобы занять их время, даже если в действительности ничего делать не нужно, впервые возникает применительно к несвободным людям – к заключенным и рабам. В истории две эти категории сильно пересекались[82].

* * *

Было бы интересно (хотя наверняка невозможно) написать историю надуманной работы – изучить, когда и в каких условиях «безделье» стало считаться проблемой или даже грехом. Я не знаю, пытался ли кто-то провести такое исследование[83]. Но имеющиеся данные говорят о том, что современная форма надуманной работы, на которую жалуются Патрик и Брендан, появилась по историческим меркам недавно. Отчасти это связано с тем, что большинство когда-либо живших людей предполагали, что нормальная человеческая работа связана с периодическими интенсивными вспышками энергичной активности, за которыми следует отдых, а затем снова медленное движение в сторону интенсивной фазы. Например, так обстоит дело с земледелием: полная мобилизация во время посева и жатвы, но на протяжении остальных времен года земледельцы что-то придумывают и чинят вещи, занимаются разными мелочами и просто слоняются без дела. Но подобный вид принимают даже повседневные обязанности и проекты вроде строительства дома или подготовки к пиршеству. Короче говоря, типичный для студентов вариант с пофигизмом во время занятий, зубрежкой перед экзаменами и последующим возвратом к сачкованию (я это называю «прерывистой истерикой») – это обычный для людей способ решать необходимые задачи, если не заставлять их вести себя иначе[84]. У некоторых студентов этот способ действия может проявляться в карикатурной форме[85], но хорошие студенты обычно понимают, как правильно настроить темп работы. Дело не только в том, что люди будут

вести себя так, если оставить их в покое: нет никаких причин полагать, что если заставить их действовать иначе, то это приведет к повышению эффективности или производительности. Чаще всего это будет приводить как раз к противоположным результатам.

Само собой, некоторые задачи требуют большего напряжения сил, и потому для них больше подходит чередование интенсивных всплесков бурной активности и периодов относительной вялости, – так было всегда. Охота на животных требует больше усилий, чем сбор овощей, даже если собирать их спорадическими порывами; для строительства домов героические усилия больше подходят, чем для их уборки. Как показывают эти примеры, в большинстве человеческих обществ мужчины стремятся монополизировать самую интересную и эффективную работу, и им это обычно удается. К примеру, они выжигают леса, чтобы освободить место для посевов, а женщинам, если это возможно, делегируют более монотонную и трудоемкую работу (например, прополку). Можно сказать, что мужчины забирают себе работу, о которой потом рассказывают истории, и оставляют женщинам работу, во время которой рассказывают истории[86]. Так будет происходить тем чаще, чем более патриархальным является общество и чем больше у мужчин власти над женщинами. За редким исключением, эта модель воспроизводится всегда, когда одна группа явно доминирует над другой. Феодалы лорды, если они вообще занимались какой-либо работой, были воинами[87]. В их жизни драматические подвиги на поле битвы, как правило, чередовались с периодами практически полного безделья и апатии. Понятно, что от крестьян и прислуги ожидали более постоянной работы. Но даже тогда их рабочий график был далек от современных регулярных и дисциплинированных «с девяти до пяти»: типичный средневековый крепостной, вне зависимости от пола, вероятно, работал от рассвета до заката двадцать или тридцать дней в году, а в остальные дни всего по несколько часов. Во время праздников крепостные совсем не работали, а праздников было довольно много.

Работа могла оставаться настолько нерегулярной главным образом из-за того, что ее обычно никто не контролировал. Так было не только при средневековом феодализме, но практически при любых условиях труда до относительно недавнего времени, даже если эти условия были крайне неравными. Если те, кто были «внизу», производили то, что от них требовалось, то те, кто «наверху», не особо интересовались тем, как это происходило. Опять же, мы можем ясно видеть это и в гендерных отношениях. Чем более патриархальным является общество, тем сильнее сегрегация мужчин от женщин, так что мужчины меньше знают о женской работе и, конечно, были бы менее способны ее выполнять, если бы женщины вдруг исчезли. (Женщины, напротив, обычно хорошо понимают, в чем состоит работа мужчин, и часто способны довольно хорошо обходиться без них, если мужчины вдруг по какой-то причине исчезают. Именно поэтому во многих исторически существовавших обществах долговременное отсутствие большого числа мужчин из-за военных или торговых походов не вызывало каких-либо серьезных проблем.) Если кто и контролировал женщин в патриархальных обществах, так это другие женщины, потому что считалось, что женщины, в отличие от мужчин, всё время должны чем-то заниматься. Моя прабабушка говорила своей дочери в Польше: «Пальцы без дела вяжут кофту дьяволу». Но это традиционное нравоучение на самом деле сильно отличается от современного «Можешь слоняться— можешь и убратся». Смысл этой польской поговорки не в том, что тебе следует работать, а

в том, что тебе не следует заниматься чем-либо еще. По сути, моя прабабушка утверждала, что девочке-подростку в еврейском местечке в Польше любое занятие кроме вязания наверняка принесет неприятности. Аналогичные предостережения иногда давали друг другу плантаторы на юге США или на Карибских островах в XIX веке. Они утверждали, что лучше занять рабов хотя бы выдуманными заданиями, чем позволить им бездельничать в межсезонье, ведь в противном случае у рабов образуется свободное время, и они наверняка начнут замышлять побег или бунт.

Современная мораль гласит: «Твое время принадлежит мне; я плачу тебе не за то, чтобы ты бездельничал», и это совсем другая мораль. Это возмущение человека, который чувствует, что его грабят. Время работника принадлежит не ему самому, а человеку, который его приобрел. Если работница не занята работой, то она крадет то, за что ее работодатель заплатил хорошие деньги (или, во всяком случае, обещал заплатить хорошие деньги к концу недели). С этой нравственной позиции проблема с бездельем не в том, что оно опасно. Безделье – это воровство.

Это важно подчеркнуть, потому что идея, что время человека может принадлежать кому-то другому, на самом деле довольно странная. В большинстве когда-либо существовавших человеческих обществ людям это никогда не пришло бы в голову. Как заметил великий исследователь Античности Мозес Финли, когда древний грек или римлянин видел гончара, он мог представить себе покупку его горшков, мог также представить себе покупку самого гончара (рабство было в античном мире распространенным институтом), но его привела бы в полное замешательство идея, что он может купить время гончара. Как отмечает Финли, любая идея такого рода предполагала бы два радикальных концептуальных хода, которые представляли трудность даже для самых изощренных римских правоведов. Во-первых, для этого потребовалось бы думать о трудоспособности гончара, его «рабочей силе», как о чем-то, существующем отдельно от самого гончара. А во-вторых, понадобилось бы изобрести какой-то способ для того, чтобы поместить эту способность вовне, так сказать, в универсальные темпоральные контейнеры (часы, дни, рабочие смены), которые затем можно было бы приобретать, используя наличные[88]. Среднестатистическому афинянину или римлянину такие идеи показались бы странными, экзотическими или даже мистическими. Как можно купить время? Время – это абстракция![89] Самое близкое к этому, что могло бы прийти ему в голову, – это арендовать гончара в качестве раба на определенный ограниченный период времени (например, на день), в течение которого гончар, как и любой другой раб, был бы обязан делать всё, что прикажет его господин. Но по этой самой причине, скорее всего, было бы невозможно найти гончара, который пожелал бы вступить в такие отношения. Быть рабом, то есть отказаться от собственной свободной воли и стать простым инструментом другого человека, даже на время, считалось самым унижительным, что только может случиться с человеком[90].

По этой причине в античном мире наемным трудом занимались по большей части те, кто уже были рабами: раб-гончар мог согласиться работать на своего господина в гончарной мастерской и отправлять ему половину своей зарплаты, оставляя другую половину себе[91]. Рабы могли также иногда выполнять работу по свободным договорам – например, в качестве носильщиков на верфи. Свободные мужчины и женщины таким не занимались. Так продолжалось до относительно недавнего времени: в Средние века наемный труд был

характерен для торговых портов вроде Венеции, Малакки или Занзибара, где им почти всегда занимались несвободные люди[92].

Так как же мы оказались в нынешней ситуации, когда считается абсолютно естественным для свободных граждан демократических стран сдавать себя в аренду подобным образом и когда боссы возмущаются, если нанятый сотрудник не работает каждую секунду «их» времени?

Во-первых, для этого должен был измениться общий взгляд на то, что такое время. Люди давно были знакомы с понятием абсолютного, или звездного, времени, наблюдая за небесами, где небесные явления происходили с точной и предсказуемой регулярностью. Но небеса обычно воспринимаются как некая совершенная область. Священники или монахи могли организовывать свои жизни по небесному времени, но жизнь мирян обычно была куда менее упорядоченной. Под небесами нет абсолютного мерила. Очевидный пример: если от восхода до заката двенадцать часов, то бессмысленно говорить, что место находится в трех часах ходьбы, если ты не знаешь, в какое время года будет происходить путешествие: ведь зимние часы вполнину короче летних. Когда я жил на Мадагаскаре, то обнаружил, что люди в деревнях, которые не особенно пользовались часами, часто описывали расстояния по старинке и говорили, что дорога до другой деревни займет две готовки горшка риса. В средневековой Европе люди сходным образом говорили, что это занимает три «отчешаша» или две варки одного яйца, – это было широко распространено. Там, где нет часов, время измеряется действиями, а не действия – временем. На этот счет имеется классический тезис антрополога Эдварда Эвана Эванса-Притчарда, который высказал его применительно к нуэрам, племени скотоводов в Восточной Африке:

“ У нуэров нет термина, эквивалентного слову «время» в европейских языках, и поэтому они не могут, как мы, говорить о времени как о чем-то реально существующем, о том, что оно проходит, что его можно зря расходовать, что его можно экономить и тому подобном. Не думаю, чтобы они когда-либо испытывали ту же необходимость, скажем, выиграть время или сопоставить деятельность с абстрактным отрезком времени, поскольку они выражают время главным образом через саму деятельность, которая, как правило, носит неторопливый характер. События идут в логическом порядке, но они не контролируются какой-либо абстрактной системой, ибо не существует никаких автономных точек отсчета времени, с которыми точно совпадала бы их деятельность. Нуэрам повезло[93].

Время – это не шкала для измерения работы, потому что мерой является сама работа.

Английский историк Эдвард Палмер Томпсон написал прекрасное эссе о происхождении современного ощущения времени под названием «Время, рабочая дисциплина и промышленный капитализм» (1967)[94]. Он отмечал, что произошли одновременно технологические и нравственные изменения, причем они усиливали друг друга. К XIV веку в большинстве европейских городов имелись башни с часами – как правило, их сооружение инициировала и финансировала местная купеческая гильдия. Это были те же купцы,

которые ставили на свои рабочие столы человеческие черепа как *memento mori* – чтобы напоминать себе, что они должны правильно распоряжаться своим временем, потому что каждый бой часов на час приближал их к смерти[95]. Распространение домашних и карманных часов заняло намного больше времени и в основном совпало с началом индустриальной революции в конце XVIII века. Но когда это произошло, то позволило сходным установкам распространиться среди представителей среднего класса в целом. Звездное время – абсолютное небесное время – спустилось на землю и стало регулировать даже самые личные повседневные дела. Но время было одновременно и фиксированной шкалой, и собственностью. Всем полагалось относиться ко времени так же, как относились средневековые купцы, то есть как к ограниченному ресурсу, которому нужно вести аккуратный счет и которым нужно бережно распоряжаться – примерно так же, как деньгами. Более того, новые технологии позволили делить фиксированное время любого человека на универсальные единицы, которые можно было продавать и покупать за деньги.

Как только время стало деньгами, появилось выражение «тратить время», а не просто «проводить» его. Одновременно стало возможно терять время, убивать время, беречь время, времени стало в обрез и так далее. Проповедники пуританской, методической и евангелической церквей в скором времени стали обучать свою паству «сберегать время» (*husbandry of time*). Они утверждали, что бережное распределение времени является основой нравственности. На заводах стали появляться часы; рабочие должны были отмечаться, приходя на работу и уходя с нее. Благотворительные школы, созданные для того, чтобы обучать бедняков дисциплине и пунктуальности, уступили место системе государственных школ, где ученики из всех социальных классов должны были вставать и маршировать из комнаты в комнату каждый час по звонку. Этот порядок сознательно готовил детей к будущей жизни – к оплачиваемой работе на заводе[96].

У современной рабочей дисциплины и капиталистических техник контроля также есть своя особая история. Формы тотального контроля сначала возникли на торговых судах и рабовладельческих плантациях в колониях, но впоследствии стали применяться по отношению к бедным рабочим в метрополиях[97]. Но это стало возможным благодаря новой идее времени. Я хочу подчеркнуть, что это было одновременно и технологическим, и нравственным изменением. Обычно это изменение считают заслугой пуританства, и пуританство действительно сыграло определенную роль. Однако можно утверждать, что самые крайние формы кальвинистского аскетизма были просто гиперболизированными версиями нового ощущения времени, которое так или иначе изменило чувственное восприятие средних классов во всем христианском мире. В результате на протяжении XVIII и XIX веков, начиная с Англии, старый, эпизодический способ работы стал считаться социальной проблемой. Представители среднего класса стали считать бедняков бедняками в основном потому, что те не умели дисциплинированно распоряжаться временем и проводили время беззаботно – точно так же, как беззаботно проигрывали деньги в азартные игры.

Тем временем рабочие, восстававшие против тяжелых условий труда, также стали переходить на этот язык. На первых заводах рабочим зачастую не разрешалось приносить свои собственные часы, потому что владельцы постоянно манипулировали заводскими часами. Но уже вскоре рабочие стали спорить с работодателями о размере почасовой

оплаты, требовать контракты с фиксированным количеством часов, оплаты за сверхурочные, повышенной оплаты за ночные смены, двенадцатичасового, а затем и восьмичасового рабочего дня. Но само требование «свободного времени», вполне понятное со стороны рабочих в данных условиях, одновременно незаметно закрепляло представление, что в рабочие часы (on the clock) время рабочего действительно принадлежит тому, кто его купил. Предкам рабочих эта идея показалась бы противоестественной и возмутительной – как, впрочем, и большинству людей, когда-либо живших на Земле.

О противоречии между моралью времени и естественными рабочими ритмами, а также о возмущении, которое вызывает это противоречие

Невозможно понять духовное насилие современной работы без понимания ее истории, которая неизбежно восходит к прямому конфликту между моралью работодателя и здравым смыслом рабочего. Как бы усердно ни приучали рабочих в начальной школе дисциплинированно распоряжаться временем, они всё равно считают, что требование непрерывно работать в постоянном темпе на протяжении восьми часов в день вне зависимости от того, что нужно делать, противоречит здравому смыслу. Кроме того, рабочих дико раздражает выдуманная работа, которую их заставляют выполнять[98].

Я хорошо помню свою первую работу посудомойщика в прибрежном итальянском ресторане. Я был одним из трех подростков, которых наняли в начале лета. Когда однажды посуды было безумно много, мы, разумеется, превратили это в игру, стремясь доказать, что мы – самые лучшие и отважные посудомойщики на свете. Вместе мы превратились в машину невероятной эффективности и молниеносно произвели гору сверкающей посуды за рекордное время. После этого мы взяли перерыв, гордые своим достижением, – например, чтобы сделать перекур или проглотить креветку. Но тут, конечно, пришел начальник, чтобы поинтересоваться, какого черта мы отлыниваем от работы.

– Мне наплевать, что посуды больше нет, ты тратишь мое время! Ты можешь бездельничать в свое собственное время. Возвращайся к работе!

– Так что же нам делать?

– Возьмите тряпку и протрите плитку.

– Но мы уже их протерли.

– Так займитесь делом и протрите их снова!

Конечно, мы выучили свой урок. Когда ты на смене, не нужно быть слишком эффективным. Ты не получишь за это никакого вознаграждения, тебе даже не кивнут сердито в знак признания твоих заслуг (а нам ведь, на самом деле, большего и не требовалось). Вместо этого тебя накажут бессмысленной и пустой работой. Мы открыли для себя, что предельное унижение – это когда тебя заставляют делать вид, что ты работаешь. Потому что невозможно было скрывать, что это чистое издевательство, что начальник просто злоупотребляет своей властью ради самой этой власти. Не имело значения, что мы только делаем вид, будто скребем плитусы. Потому что пока мы этим занимались, каждую секунду нас не покидало чувство, будто какой-то школьный задира издевается над нами за нашими спинами, с той только разницей, что на этот раз на стороне задиры была сила закона и обычая.

Так что в следующий раз, когда появилось много работы, мы уже не стали так торопиться.

* * *

Нетрудно понять, почему работники называют такие надуманные задания бредовыми. Авторы многих полученных мной историй акцентировали внимание на том негодовании, которое вызывала у них эта ситуация. Вот один пример того, что можно назвать «традиционной надуманной работой», – ей занимался Митч, когда был помощником на ранчо в Вайоминге. Как он писал, работа на ранчо была тяжелой, но стоящей, и если тебе повезло оказаться у добродушного работодателя, то обычно всплески интенсивной работы чередовались с периодами простого безделья. Но Митчу не повезло. Его босс был «очень старым и уважаемым членом общины, он занимал какой-то пост в региональном отделении церкви мормонов». Он принципиально настаивал на том, что, когда делать нечего, свободные руки следует занимать «поднятием камней».

“ Митч: Он привозил нас на какое-нибудь наугад выбранное поле, где нам было велено собирать камни и складывать их в кучу. Как нам говорили, нужно было очистить землю, чтобы шины тракторов не натыкались на камни.

Я сразу понял, что нас дурят. Эти поля вспахивались множество раз до нас, а кроме того, во время суровых зим почва вздымалась, и на поверхности оказывались новые камни. Но благодаря этому наши руки были «заняты», нас учили правильной трудовой этике (то есть послушанию – у мормонов это очень важный принцип), бла-бла.

Во-о-от. На площади в сто квадратных футов грязи лежали сотни камней размером с кулак или больше.

Я помню, как однажды провел в поле несколько часов один, собирая камни, и я честно старался (бог знает зачем), хотя и понимал, насколько тщетны мои усилия. Это был изнурительный труд. Когда старик-босс вернулся забрать меня на другую работу, он с осуждением посмотрел на гору камней

и заявил, что я сделал не особенно много. Как будто то, что я занимался черной работой ради нее самой, не было достаточно унижительно, вдобавок к этому мне еще сказали, что результаты моих часов тяжелой работы, которую я делал голыми руками, без тачки и вообще без инструментов, не соответствовали ожиданиям. Да уж, спасибо. Более того, никто так и не пришел забрать камни, которые я собрал. С того дня они лежали на поле ровно там, где я их оставил. Не удивлюсь, если они до сих пор там.

Я ненавижу этого старика до самой его смерти.

История Митча указывает на важность религиозной идеи, что покорное подчинение даже бессмысленной работе под чьей-либо властью является формой нравственной самодисциплины, которая делает тебя лучше. Это, конечно, современный вариант пуританства. Но пока что я хотел бы в первую очередь подчеркнуть, что религиозный элемент создает еще один, еще более невыносимый, уровень противоестественной нравственности, согласно которой безделье – это кража чьего-то времени. Несмотря на унижение, Митч относился даже к самым бессмысленным заданиям как к испытанию, с которым нужно справиться. В то же время всем своим нутром он ненавижу это положение, потому что у него не было выбора и ему приходилось играть в выдуманную игру, придуманную не им и устроенную таким образом, что он никогда бы не смог выиграть.

Когда тебя заставляют совсем ничего не делать, то это губит душу почти так же, как и работа без какой-либо цели. В каком-то смысле это даже хуже – по той же самой причине, по которой любой тюремный заключенный предпочтет год дробить камни, будучи скованным цепью с другими, чем провести год в одиночной камере, глядя в стену.

Иногда очень богатые люди нанимают своих человеческих сородичей позировать в качестве статуй на их лужайках во время вечеринок[99]. Некоторые виды «настоящей» работы очень на это похожи: хотя можно стоять не совсем неподвижно, зато делать это надо гораздо дольше:

“ Кларенс: Я работал в крупной международной охранной компании охранником музея, в котором одна из выставочных комнат практически никогда не использовалась. Я должен был охранять эту пустую комнату. Я следил, чтобы никто из посетителей ни к чему не прикасался... вернее, в комнате ничего и не было, а также чтобы никто ничего не поджег. Чтобы быть начеку и не отвлекаться, мне было запрещено заниматься какой-либо умственной деятельностью, например читать книги, пользоваться мобильным телефоном и так далее.

Поскольку туда никто никогда не заходил, я фактически тихо сидел сложа руки семь с половиной часов в ожидании пожарной тревоги. Если она звучала, я спокойно поднимался и выходил. На этом всё.

В подобной ситуации (я могу подтвердить, поскольку был в аналогичных ситуациях) очень сложно не начать спрашивать себя: «Насколько больше времени потребовалось бы мне,

чтобы заметить пожар, если бы я сидел здесь и читал роман или играл в «солитер»? На две секунды? На три секунды? А возможно, наоборот, я заметил бы его быстрее, потому что мой мозг не размягчился и не расплавился бы от скуки так, что практически перестал работать. Но даже если предположить, что это заняло бы эти три секунды, сколько секунд моей жизни у меня, по сути, отняли для того, чтобы предотвратить гипотетическое опоздание на три секунды? Давай-ка посчитаем (раз уж у меня всё равно полно времени): 27 000 секунд в рабочую смену; 135 000 секунд в неделю; 3 375 000 секунд в месяц». Неудивительно, что тем, кто устраивается на такую абсолютно пустую работу, редко удается продержаться на ней хотя бы год, если только кто-то наверху не сжалится над ними и не даст им еще какое-нибудь занятие.

Кларенс продержался шесть месяцев (примерно двадцать миллионов секунд), а затем ушел на работу, за которую платили в два раза меньше, но которая предполагала хотя бы немного умственной активности.

* * *

Это, конечно, крайние случаи. Но поведенческий принцип «ты тратишь мое время» стал настолько естественным, что большинство из нас приучились смотреть на мир с точки зрения владельца ресторана – до такой степени, что даже простые граждане должны считать себя начальниками и чувствовать себя униженными, когда им кажется, что госслужащие (скажем, работники транспорта) не работают всё время или работают слишком медленно, не говоря уже о тех случаях, когда они вовсе бездельничают. По мнению Венди, которая прислала мне длинный рассказ о своих самых бесполезных рабочих местах, многие из них существуют потому, что работодатели не могут принять один факт: некоторым работникам они на самом деле платят для того, чтобы они были при необходимости на связи:

“ Венди: Первый пример: работая на стойке регистрации в офисе небольшого торгового журнала, я часто получала задания, которые мне нужно было выполнять, пока телефон не звонил. Это разумно, но почти все задания были дурацкими. Одно из них я запомню на всю жизнь: сотрудница отдела рекламных продаж подошла к моему рабочему столу, вывалила на него тысячи скрепок для бумаги и попросила меня рассортировать их по цвету. Я подумала, что она шутит, но нет. Я сделала это, а потом видела, как она использует их, не обращая ни малейшего внимания на цвет скрепок.

Второй пример: моей бабушке было девяносто лет с небольшим, и она жила в Нью-Йорке одна. Но ей требовалась помощь, и мы наняли милую женщину, которая жила в ее квартире и приглядывала за ней. По сути, она находилась там на случай, если бабушка вдруг упадет или если ей потребуется помощь. Она помогала с покупками и стиркой, но если всё было в порядке, то у нее особо не было работы. Это выводило мою бабушку из себя. «Она просто сидит там, и всё!» – жаловалась она. Мы объясняли бабушке, что в этом и

состоит смысл ее работы.

Для того чтобы помочь бабушке сохранить лицо, мы попросили женщину прибираться в шкафах, когда нечего больше делать. Она сказала: «Нет проблем». Но квартира была небольшой, она быстро наводила порядок в шкафах, и делать снова было нечего. Моя бабушка опять сходила с ума от того, что работница просто сидела и ничего не делала. В итоге женщина ушла с работы. Когда это произошло, моя мать спросила у нее: «Почему? Ведь с моей мамой всё в порядке!» – на что женщина ответила: «Ага, это с ней всё в порядке, а я похудела на пятнадцать фунтов, и у меня выпадают волосы. Я больше так не могу». Сама работа не была бредовой, но необходимость создавать прикрытие, занимаясь таким количеством дурацкой суеты, была слишком унижительной для нее. Я думаю, это распространенная проблема у людей, которые работают с пожилыми. (С ней сталкиваются и детские нянечки, но совсем по-другому.)[100]

И не только они. Как только вы поймете эту логику, то легко заметите, что ей подчиняются целые виды и роды деятельности. И даже целые отрасли могут подчиняться данной логике – логике, которую еще недавно все сочли бы крайне странной. Она также распространилась по всему миру. Например, вот что рассказывает Рамадан Аль-Сокарри, молодой египетский инженер, работающий на частном предприятии в Каире:

“ Рамадан: Я закончил факультет электроники и коммуникаций одного из лучших инженерных колледжей в моей стране. Я учился по сложному профилю, у всех студентов там были большие ожидания, связанные с карьерой в области исследований и разработки новых технологий.

Ну, по крайней мере, такое впечатление создавала наша учеба. Но на деле всё оказалось не так. После выпуска из университета я смог устроиться только администратором и инженером ОВКВ [отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха] в переведенной на корпоративную основу госкомпании. Вскоре я обнаружил, что меня взяли не на работу инженера, а каким-то техническим бюрократом. Мы здесь занимаемся только бумажной работой, заполнением чек-листов и форм. Всем на всё наплевать, лишь бы бумажки исправно заполнялись.

Официально описание должности звучало так: «Возглавлять команду инженеров и технических работников для осуществления профилактического обслуживания, аварийного ремонта, а также создания новых систем технологического контроля с целью обеспечения максимальной эффективности». На деле это означало, что каждый день я проводил короткую проверку того, как работает система, а потом заполнял ежедневные бумаги и отчеты о техническом обслуживании.

Грубо говоря, компании на самом деле требовалась команда инженеров, которые приходили бы каждое утро проверять, работают ли кондиционеры, и оставались на месте на случай,

если что-то сломается. Конечно, руководство не могло признать это. Рамадан и другие члены его команды могли бы просто сидеть и играть в карты весь день, а может быть – кто знает? – даже работать над изобретениями, о которых они мечтали в колледже, коль скоро они готовы быстро отреагировать, если у конвектора случится сбой. Вместо этого фирма изобрела бесконечную череду форм, проверок и ритуалов для галочки, которые были разработаны с расчетом, что инженеры будут заниматься этим восемь часов в день. К счастью, в компании не было сотрудника, который бы проверял, действительно ли инженеры подчиняются всем этим процедурам. Рамадан постепенно выяснил, какие из этих заданий делать нужно, а какие можно проигнорировать и никто этого не заметит. Оставшееся время он использовал для удовлетворения своего растущего интереса к кино и литературе.

Тем не менее весь этот процесс заставлял его чувствовать пустоту:

“ Рамадан: По своему опыту могу сказать, что приходиться каждый день на работу, которую я считал бессмысленной, изматывало меня психически и вызывало депрессию. В итоге я стал терять интерес к своей работе, начал смотреть фильмы и читать романы, чтобы заполнить пустые смены. Теперь я даже ухожу с работы на несколько часов почти каждый день, и никто этого не замечает.

Опять же, как бы ни раздражал итоговый результат, он не выглядит совсем уж ужасным, особенно когда Рамадан понял, как обмануть систему. Почему же он не считал, что просто крадет обратно время, которое он продал корпорации? Почему притворство и отсутствие цели изводили его?

Похоже, мы вернулись к тому же вопросу, с которого начали. Но теперь мы намного лучше подготовлены, чтобы найти ответ. Мы выяснили, что в любой наемной работе со строгим надзором самое ненавистное – притворяться, что работаешь, чтобы угодить подозрительному боссу. А раз так, то любая работа вроде той, что у Рамадана (или той, что у Эрика), организована по тому же принципу. Их опыт может быть куда приятнее, чем мой, когда я часами (казалось, что это длилось часами) металлической щеткой драил абсолютно чистые плитусы. У них обычно не сдельная, а регулярная заработная плата. Возможно, у них над душой даже не стоит босс, – обычно так и есть. Но в итоге необходимость играть в выдуманную игру, которую не ты придумал, в игру, которая, по сути, просто разновидность власти, которой ты должен подчиняться, – это деморализует само по себе.

Так что их положение, в конечном счете, не так уж сильно отличалось от нашего положения, когда нам с друзьями-посудомойщиками приходилось притворяться, будто мы чистим плитусы. Здесь берется самое худшее в наемной работе и этим подменяется занятие, которое должно было придавать смысл твоему существованию. Неудивительно, что от этого разрывается душа. Это прямой удар по всему, что делает нас людьми.